

покажет как раз силы, противоборствующие глашатаям упадка и разрушения. Силы, ведущие борьбу в самой немецкой культуре, а в одной половине Германии, восточной, — уже в форме государственной власти.

Книга Фабри — крупное явление нашей социалистической, антифашистской культуры. Очень злободневная, она обращена ко всей Европе. Пусть же слово его будет услышано.

Будапешт

ЛАСЛО ИЛЛЕШ

ИСПОВЕДЬ АМОРАЛИСТА

Henry Miller. The Rosy Crucifixion. Sexus. Plexus. Nexus. New York, Grove Press, 1965.

Большие перемены произошли в судьбе американского писателя Генри Миллера за последние годы. Совсем еще недавно его произведения, напечатанные за пределами США, старательно укрывались от зоркого досмотра таможенников.

Несколько лет назад американская цензура сняла запрет с публикации некоторых порнографических произведений, в том числе и миллеровских. И вот книжная фирма «Гроув пресс» издает ранние, пользующиеся скандальной славой романы Миллера «Тропик Рака» и «Тропик Козерога», а затем и трилогию «Благостное распятие».

Все написанное Миллером представляет собой беллетризованную биографию. «Благостное распятие» — история тех лет его жизни, когда «в нем умирал обыкновенный смертный, чтобы он мог воскреснуть к жизни писателем».

Зарубежные критики дружно провозглашают Миллера «мэтром порнографической литературы».

Но он не относится к числу тех адептов «порно», которых интересует только узкий круг сексуальной жизни человека. Эротические сцены в его романах перемежаются «акрами» «сюрреалистической», «галлюцинирующей» прозы, «трансцендентального» словоизвержения о непознаваемости добра и зла, относительности всех критериев, и так — на протяжении почти 1600 страниц.

Впрочем, первая часть трилогии, «Сексус», утомительна отнюдь не с «философской» точки зрения. Читателю предлагается доскональное «исследование»... лесбийской любви. Второе «я» автора, Генри, делит свою возлюбленную Мону с ее подругой. Жизнь героя — постоянная слезка и весьма плодотворное в «литературном» отношении подсматривание в замочную скважину. Все увиденное Генри кощунственно закрепляет на бумаге.

Вторая часть трилогии, «Плексус» («Сплетение»), рассказывает о том, как Генри и

Мона наслаждаются роскошной жизнью, которую оплачивают тароватые поклонники Моны. За столом, уставленным «хорошим вином и доброй едой», Генри иногда вспоминает дочку, брошенную на произвол судьбы. Но к чему беспокоить себя неприятными мыслями? И потом, это так в его натуре — «чтить прошлое и плевать на него. То же самое я проделываю с друзьями и писателями. Я принимаю и лелею в прошлом лишь то, что можно обратить на пользу творчества». А «на пользу» идет многое — равнодушие, бесстыдство, элементарная непорядочность (Генри никогда не возвращает долгов), неблагодарность и низость всех отенков, от «мелкого» вандализма в отместку квартирной хозяйке до глумления над несчастным стариком.

Природа человека неизменна и неизменна, утверждает Генри, так стоит ли раскаиваться в предательстве, в поданной другу ложной надежде, стоит ли мучиться совершенным отсутствием чести?

Семейную гармонию нарушает появление нового друга Моны (снова женщины). Генри опять одинок. Несчастной жизни вторым посвящена последняя часть трилогии — «Нексус» («Связующее звено»). Третий роман несколько отличается от предыдущих. Здесь, собственно, и происходит «воскрешение» Генри из праха прежнего бытия к писательской жизни. Здесь Генри весь целиком, во всей натуре. Книге предпослан эпиграф — знаменитое гоголевское лирическое отступление о «птице-тройке», которое он обыгрывает в высшей степени странно. Образ тройки будет не раз использован им как парабола писательского, то есть его, «генри-миллеровского», существования. Жизнь писателя — «бойкая, необгонимая тройка». Если задать вопрос «Куда несешься ты?» — то ответа не услышишь. Верования, надежды, принципы — прах под копытами коней. Придя к такому выводу, Генри вдруг постигает, как можно «спастись». Надо идти своим, индивидуальным путем, идти, а лучше лететь на «тройке» мимо «всего, что ни есть на земле, — войн, революций, людского горя, забот».

Генри живет в стране, которую ненавидит всеми силами души. Америка 20—30-х годов для него — царство военной технократии, в котором ему уготовано место «демократа-хулигана, обреченного на прогресс, расизм и успех». Так всегда у Миллера. Довольно ясное представление о конкретных общественно-политических недостатках «системы» опрокидывается абсолютным нигилизмом, от которого до абсолютного приятия один шаг. Мы присутствуем при перевоплощении буржуазного индивидуалиста в тотального аморалиста.

Редко кто с таким всепоглощающим стремлением пытается убедить, что «мир, сотворенный по законам человечности, мир, чутко внимающий мыслям человека, его мечтам и желаниям, невозможен».

СРЕДИ КНИГ

Но в чем же тогда назначение литературы?

Может быть, в том, чтобы «помочь человеку познать самого себя, укрепить его веру в себя и поддержать в борьбе за истину»? — рассуждает Генри, ссылаясь на Достоевского.

Нет, Генри—Миллер отступает и от истины, и от желания помочь ближнему, и от борьбы. Что толку в литературе правды? Ведь когда все произведения «будут прочитаны и переверены, люди по-прежнему станут пакостить друг другу... Кому это нужно изменять мир? Пусть все гниет, подыхает и исчезает».

Некоторые страницы миллеровской трилогии заставляют предположить, что Генри искренне любит Мону. Однако буквально у нас на глазах происходит распад, низложение любви Генри старательно разрушает интимный мир чувства, обесценивает и стандартизует то, что не подлежит никакому шаблону, втаптывает в грязь нежность к любимой женщине. Он считает, что ему все позволено, он мечтает переехать в Европу, там, он уверен, ему уготована «полная свобода». Для него Европа — некая персональная Телемская обитель, на вратах которой написано: «Делай, Генри, что хочешь».

«Порноутопия» Миллера реакционна. Миллер, разумеется, мечтает о прекрасной жизни не для всего человечества. Безразличного одиночку не трогают никакие общественные бедствия. Утопия Миллера лишена движения и развития. Это механистическая «данность» наслаждения, которая, не изменяясь, кочует из романа в роман. Механистичность тут является прямым следствием обезчеловеченности отношений между двумя людьми, вступающими в общение.

Индивидуализм Миллера — предельное выражение буржуазного эгоизма современной эпохи, сузившего утопию до размеров частного, противоатомного убежища, в котором можно было бы с полным комфортом наблюдать крушение мира. На маленьком участке вечности, которым является жизнь человеческая, должно, по мысли Миллера, «работать» только для себя. Если при этом вечность еще «урезается» до размеров сиюминутного настоящего, если отбрасывается и прошлое и будущее, то получается, что прогресс, мораль и всякая доблесть человеческая не более как красивые слова. Генри — индивидуалист и аморалист, который хочет быть свободным и счастливым за счет несвободы и несчастья других.

Люди могут жить «по сю» или «по ту сторону рая», страдать, стремиться к идеалам — герой Миллера избрал себе «благую» часть. Он уже живет (обеспечивают это другие) в земном раю, освободив себя от труда, обязательств, совести. Эта фило-

софия безответственного, дарового «блаженства» покинута на лицемерии, достижением самых крайних размеров, «воскрешено» к новому пониманию вещей героя «Нексуса». Недавно Генри был отчаянным нигилистом. Теперь он все приемлет. Вы говорите, мир ужасен? А я вам говорю, что он прекрасен. Доказательство? «Credo quia absurdum» — «верю, потому что абсурдно». Рассудком этого не постичь. Люди всегда стремились объяснить мир. В результате — бесконечные муки и боль познания и борьбы.

«Я же могу примирить красоту и зло, божественное начало с отталкивающим безобразием, бессмертную субстанцию с абсолютным бесплодием. Молниеносное уничтожение или вечная жизнь — все едино для меня. Я сохраняю душевную невозмутимость».

Итак, Генри Миллер достиг полной гармонии и «свободы» личности, которой все дозволено, между прочим, и создание «порно».

Когда в 1957 году в Норвегии решением суда была запрещена первая часть «Благостного распятия» как непристойная и аморальная книга, американский журнал «Эвергрин» напечатал послание Г. Миллера судьям. Защищая право публикации порнографической литературы, Миллер ссылается на дорогое всем людям право свободного выражения своих мыслей, свободу слова. И не он один. Так, Морис Жиродиа, директор «Олимпия пресс»*, не стесняется подменять «абсолютной свободой эротического самовыражения» истинную свободу творчества писателя. «Современный француз, — недавно писал Жиродиа, — совершенно позабыл свое либеральное, социалистическое и революционное прошлое. Само слово «свобода» для него понятие абстрактное и даже несколько непристойное... Половой инстинкт управляет миром, и именно в сексуальной сфере понятие «свобода» обнажает себя в самой откровенной и конкретной форме».

Полемизируя с Жиродиа, американский литературовед Стайнер справедливо говорил о профанации нравственного чувства, о развращающем влиянии «порно» на человеческую культуру.

Антигуманная стихия «порно» в произведениях Миллера нашла свое самое адекватное выражение. Именно поэтому они стоят за пределами подлинной литературы, именно поэтому американского писателя Генри Миллера вполне можно назвать недругом человека и самой цивилизации.

М. ТУГУШЕВА

* Издательство «Олимпия пресс» первым стало публиковать порнографические книги.

